

АРХАИЧНЫЕ СПОСОБЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ НЕБА

Е. Е. Пименова

Кемеровский государственный университет

Поступила в редакцию 18 декабря 2008 г.

Аннотация: анализируются способы концептуализации неба в русской, немецкой и английской концептосферах. Основной способ представления неба в сравниваемых языках — антропоморфные метафоры.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, категоризация, символы культуры.

Abstract: the paper touches upon the problems of the basic archaic conceptual metaphors that give the most typical description of heaven in Russian, English and German. By the conceptual metaphor we understand the way of considering one domain in terms of another one. As illustration examples taken from classic literature were used.

Key words: concept, the language picture of the world, categorization, mythological symbols.

Антропоморфизм — основной способ категоризации действительности. Как указывают А. А. Крегов и О. О. Борискина [1, с. 107], антропоцентризм относится к «характеристикам архаичного мышления». Человек описывает разные фрагменты мира через антропоморфную метафору: «Мифологический образ (предметное, чувственное мышление) и понятие (отвлеченное мышление) — два метода мировосприятия... И образ — логическая познавательная категория; но ее сущность в том, что образная мифологическая мысль не отделяет познающего от познаваемого, явление (предмет) от его свойств. Понятие же «отвлекает», т.е. отграничивает, от явлений их свойства («признаки»), представляемое от представляющего» [2, с. 181].

Язык не отделим от культуры, в языке отражается современная культура, а также фиксируются ее предыдущие состояния. В языке закрепляется национальная картина мира, включающая систему устойчивых образов и сравнений. Концептуализация представляет собой процесс познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в человеческой психике. Воспринимая мир, человек выделяет актуальные для него элементы, членит его на определенные фрагменты, а затем мыслит действительность этими частями. Концептуализация интерпретируется в современной лингвистике как «некоторый “сквозной” для разных форм познания процесс структуризации знаний из неких минимальных концептуальных единиц» [3, с. 93]. Концептуальная система понимается как мен-

тальный уровень или ментальная организация, в которой сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение. Описывая окружающий мир, человек наделяет его своими чертами.

Подавляющее большинство концептов содержат в своей структуре антропоморфные признаки. Укоренившиеся в культуре признаки отображают метафорическую систему, сложившуюся в языке. По словам М. К. Головановской, «через метафорическую систему мы получаем доступ к ценностям той или иной культуры, причем даже к тем, которые не слишком очевидны» [4, с. 29]. Метафоры проявляются в рамках существующей в национальной культуре и языке системы категорий. Категоризация мира позволяет описывать мир через метафору и метонимию.

Язык не отделим от культуры, в языке отражается современная культура, а также фиксируются ее предыдущие состояния. В языке закрепляется национальная картина мира, включающая систему устойчивых образов и сравнений: «Культура — это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений» [5, с. 226]. Небо в разных языковых картинах мира определяется разнообразными признаками [6, 7, 8].

Различные метафоры используются для передачи признаков неба, оживляя описываемый образ. Наиболее частотными выступают антропоморфные метафоры. «Образное представление можно определить как абстрагированный от семантики конкретных образных слов и выражений стереотипный для определенной языковой культуры образ, воплощающий представления языкового коллектива о явлениях идеального мира сквозь призму впечатлений о мире реаль-

ном, чувственно воспринимаемом, а также совмещающий представления о предметах реального мира на основании ассоциативной общности их признаков» [9, с. 75]. Концептуальный анализ основывается на «сопоставлении совокупности словоупотребления лексем, реализующих тот или иной концепт, с последующей интерпретацией смысловых различий в словоупотреблении» [10, с. 4].

Антропоморфизм неба проявляется в последовательной концептуализации этого фрагмента мира через витальные, соматические, перцептивные признаки, эмоциональные, ментальные признаки, признаки волеизъявления и характера. Небо представляется в качестве человека и некоего сверхъестественного существа, признаки которых актуализируются в конструкциях, где русская, английская и немецкая лексемы *небо*, *heaven(s)* и *Himmel* «небо (небеса)» занимают обычно субъектную позицию. «На начальной ступени развития уранической мифологии обожествлялось само природное явление, которому приписываются свойства живого существа — бога неба» [11, с. 208].

Как живое существо, небо рождается (*Birth-day of Heaven and Earth... Milton*), существует (*When all the fair Existences of heaven Came open-eyed to guess what we would speak... Keats*), оно растет и развивается, дышит, разговаривает и двигается (*Дышало небо влажным хладом. Пушкин; Небо, чем дальше в зиму, тем живее светилось и двигалось. Астафьев; ...the growth of Heaven. Milton; The breath of Heaven fresh blowing, pure and sweet... Milton; And voice of heaven, ascending, swell, Which, while its deeper notes excel... Smart; Der Himmel hinter den Häusern wich zurück... Remarque*). Небо спит и пробуждается (*Яснили холмы и леса, И просыпались небеса. Пушкин; ...the voice of all the gods Makes heaven drowsy with the harmony. Shakespeare; Heaven wakes with all his eyes... Milton*). Небо смертно (*...content to see An unseiz'd heaven dying at his feet... Keats*).

Небо концептуализируется соматическими признаками (*'Tis very sweet to look into the fair And open face of heaven, — to breathe a prayer Full in the smile of the blue firmament. Keats; Erde und Himmel bebten. Remarque*). Небо «имеет» тело — небо содрогается, выражая свой гнев (*И внял я неба содроганье... Пушкин*), части тела, характеризующие его как человека: актуальными для неба являются признаки таких частей тела, как 'руки' — а не 'лапы', как у животного (*Пусть монастырский ваш закон Рукую неба утверждён. Лермонтов; Yet I argue not Against Heaven's hand or will... Milton; Doch*

der Erfolg ruht in des Himmels Hand. Schiller), 'лицо' (*And open face of heaven... Keats; ...bald hätte selbst mich die himmlische Schminke betrogen! Schiller*). Небо улыбается (*Но с гордым бешенством река, Крутясь, как змей, не отвечает Улыбке неба своего... Лермонтов; Heaven smiles... Shelly*). У неба есть язык (*No reveller had ever dipp'd a chin But those of Saturn's vintage; mouldering scrolls, Writ in the tongue of heaven... Keats*), голос («О дево Мария!» — *Поют небеса. Есенин; Da sangen die Musen im himmlischen Chor. Schiller*), глаз в английской концептосфере, в русской — глаза (*Скорей обманет глас пророчий, Скорей небес погаснут очи, Чем в памяти сынов полночи Изгладится оно. Лермонтов; Nothings grow something which quietly closes Heaven's earnest eye... Browning*), горло (*И течет заря над полем С горла неба перерезанного. Есенин*). Внешность неба уточняется признаками седины (*И на краю седых небес Качает обнаженный лес. Пушкин; Обратись лицомк седому небу, По луне гадая о судьбе... Есенин*) и румянца (*И тихая денница Румянит небеса... Пушкин*).

Небу в русской, английской и немецкой концептосферах свойственны перцептивные признаки. Небо «наблюдает» за тем, что происходит на земле (*Such letting nature have her way While heaven looks from its towers! Browning*), за человеком (*...the eternal Heavens looked down, a worn old man of eighty. Dickens*), небо может быть ослеплено (*...The Heaven itself, is blinded throughout night. Keats*). Небо «слышит» обращенные к нему слова (*Облезлый клен... Гнуса-вит хрипло В небо о былом. Есенин; Darkness! ever must I moan, To question Heaven and Hell and Heart in vain. Keats*).

Антропоморфные характеристики неба включают в себя индивидуальные характеристики (выраженные гендерными, ментальными, эмоциональными признаками, признаками волеизъявления, поступков, характера) и социальные характеристики (выраженные, например, признаками профессий). Антропоморфизм удобен для описания любых явлений действительности. Часто антропоморфные метафоры основаны на утраченных символах культуры, практически не осознаваемых носителями языка. Человеку свойственно описывать мир в известных ему терминах. Более знакомой областью опыта, знаний выступает для него он сам.

Небо в разных культурах отличается гендерными признаками. Существует устойчивое мнение, что, кроме древнегреческой мифологии, небо почиталось в качестве мужского символа. Это не совсем так. Небо в немецком концепту-

ализируется признаками отца людей, в английском — матери (*Now Heaven in all her glory shone, and rolled Her motions, as the great first Mover's hand First wheeled...* Milton; *Titan, Heaven's first-born...* Milton; *Disburdened Heaven rejoiced...* Milton, где *disburden* «освободиться от бремени»). Погода и осадки в русском языке описываются метафорами рождения (...*Сердцу тревожно — нарождается пурга. ...Небо пучится, набухает темной силой.* Астафьев). Подобные метафоры используются для передачи образа нависших на небе туч (...*В прорванной глуби ночного осеннего неба, брюхато провисшего над спящим благодатным обиталищем души живых...* Астафьев). Ритуальное подбрасывание детей вверх, вероятно, также связано с образом Великой богини — матери (...*Мир — это мать, которая, даже веселясь, не забывает о детях, блестящими глазами отыщет их, навалом лежащих на русской печке, подмигнет им, и хоть они малы, им тоже хочется скачаться с печи, затопать, запрыгать, забрыгать половицами, кого-нибудь обнять, стиснуть, подбросить в небо — мир и труд — вечный праздник жизни!* Астафьев). Многогранный и яркий древний образ богини неба был воспринят в разной степени последующими мифологиями и религиями. Прежние верования были приспособлены к новым культовым представлениям. Христианские традиции переняли этот образ в виде девы Марии (*Матушка-Царица Небесная иль какая еще!* Астафьев).

В русском языке небо объективируется через признаки 'пастуха' (...*За ровной гладью вздрогнувшее небо Выводит облако из стойла под уздцы.* Есенин), 'громовержца' (*Небесный гром на злобу грянет...* Пушкин). Теоморфные признаки неба связаны с антропоморфными. Бог (небо) создал человека по образу своему и подобию (*O himmlische Mächte, es ist mein Sohn!* Schiller). Небо — бог обладает абсолютным могуществом и абсолютным всеведением и всезнанием. Небо — не просто творец, его создания — это его дети: сыновья и дочери (*Ты червь земли, не сын небес...* Пушкин; *O Heaven wide! O unseen parent dear!* Keats; ...*Ye know yourselves Natives and sons of Heaven possessed before By none...* Milton; *Son of Heaven and Earth, Attend!* Milton; ...*die himmlischen Töchter.* Schiller; ...*seit das Weib den Himmelsohn gebare...* Schiller). В различных традициях образ Богини Матери наделяется функцией сотворения и заселения мира. Небо возрождает человека (*Almost, sir: heaven restore me!* Shakespeare).

Во многих преданиях сказано, что небо и земля связаны узами брака. «Согласно некото-

рым мифам, небу пришлось отделиться от земли, чтобы на поверхности последней зародилась жизнь» [12, с. 235]. Небо и земля символично представляют брачную пару (...*Though far renowned Th' Ionian gods — of Javan's issue held Gods, yet confessed later than Heaven and Earth, Their boasted parents.* Milton): гром — символ Бога-Громовержца, глубина, вода, бездна — символы Богини Матери (*И дремлет гром над глубиною...* Лермонтов). Небо в немецком может выступать в качестве божественного жениха (*Des Himmels Braut berührt mit sündigem Verlangen.* Schiller).

Небо нечасто проявляет свои эмоции (*И мир земле, и радость небесам...* Пушкин; *The heavens with that we have in hand are angry.* Shakespeare; *It is the wrath of Heaven on the sins of France.* Dickens; *Und fromme Büssung kauft den Zorn des Himmels ab.* Schiller). Человек нуждается в доброте, благосклонности, жалости неба (*There as he lay, the Heaven with its stars Look'd down on him with pity...* Keats; ...*He was so ill and so much in need of pity himself from Heaven.* Dickens). Люди к нему постоянно взывают (*Одиночество меня добило — я кричал что-то в небо, грозил ему кулаком.* Астафьев; *O heaven!* Charman; *Du süßer, blauer Himmel!* Remarque). Небо в литературных произведениях часто выступает в роли слушателя, собеседника (*В тот час, когда с землею небо говорит...* Астафьев). Этот признак передается формой обращения или восклицания (*Небо! Что с нею?* Пушкин; *O heavens! Why does my blood thus muster to my heart...* Shakespeare; *Das ist tyrannisch, o Himmel!* Schiller). Адресуя свои слова небу, его называют любимым (*Aber du lieber Himmel!* Schiller; *Lieber Himmel, — sagte Kern.* Remarque), просят его о чем-либо или вопрошают (*O heavens! what stuff is here?* Shakespeare; *O Himmel! Nicht umsonst hab ich diesen Auftritt gefürchtet.* Schiller), обещают (*You promise heavens free from strife...* Cory), благодарят (*Я не смею пасть к вашим ногам, благодарить небо за непонятную незаслуженную награду.* Пушкин; *I thank Heaven I have now done with them!* Ch. Bronte). В немецкой и английской традиции обращаются не только к небу, но и к земле (*Heaven and earth! — of what are you thinking?* Austen; [*Luise:*] *O Himmel und Erde!* Schiller). Небо отзывается на некоторые просьбы. Слова неба весомы, значимы (*Thus can the demigod Authority Make us pay down for our offence by weight The words of heaven; on whom it will, it will...* Shakespeare). Небо повсеместно ассоциировалось со сверхъестественными силами; это «символ превосходства, властных полно-

мочий, духовного просвещения и вознесения» [12, с. 235].

Небо соотносится с ментальной сферой. В антропоморфной парадигме признаков это нашло свое отражение. Небо обладает разумом, который использует для ведения своего хозяйства (*Man... bewundert vielleicht noch die kluge Wirtschaft des Himmels...* Schiller; ср.: *Durch des Himmels prächtigen Plan.* Schiller), оно способно принимать решения (*Redlich wollten wir den Frieden, aber Blut beschloss der Himmel.* Schiller), разрабатывать план (*...Heaven Could work such device — to her ruin And my misery.* Hardy). Небо наделено знанием (*Heaven only knows what he is — I don't.* Porter. *Weiß der Himmel, wo die Leute immer die Stechnadeln herkriegten.* Remarque; *Weiß der Himmel, wo wir uns wieder sehen werden.* Remarque), оно совершает ошибки (*But, it is no wonder, that they... false to Heaven, false to Earth, should be monsters of ingratitude and treachery to a helpless peasant girl.* Dickens), бывает уверенным (*If I trip him just a-dying, Sure of heaven as sure can be, Spin him round and send him flying Off to hell, a Manichee?* Browning). Небо «способно» надеяться (*He told me what he would not tell For hope of heaven...* Browning).

Для неба характерно выражать свою волю. Рождение человека происходит по воле небес (*Он вышней волею небес Рожден в оковах службы царской.* Пушкин). По воле неба меняется его внешность (*Наина, где твоя краса? Скажи, ужели небеса Тебя так страшно изменили?* Пушкин). Небо обладает не только желаниями (*То воля неба: я твоя...* Пушкин; *...Небо не хотело соединить ее с ним...* Лермонтов. *...That Heaven would want spectators, God want praise...* Milton; *...such was the will of Heaven...* Milton; *Ach der Himmel über mir will die Erde nie berühren.* Schiller), но и обязанностями (*...soll der Himmel dich wieder haben...* Schiller). В таких метафорах реализуются признаки правителя, повелителя (*...If it were heaven's will, on our sad fate.* Keats). Небо направляет человека (*Stand not amazed; here is no remedy: In love the heavens themselves do guide the stat.* Shakespeare; *...she must go as Heaven directed her, to help the Dauphin.* Dickens), руководит его действиями (*...she told him that she came commanded by Heaven to subdue his enemies and conduct him to his coronation at Rheims.* Dickens), любит его и избирает для особых свершений (*А небом избранный певец Молчит, потупя очи долу.* Пушкин). В этом проявляется его сила и власть (*Hast thou sinn'd in aught Offensive to the heavenly power?* Keats). По сво-

ей воле небо может одарить человека (*Пускай беседуют отверженные Феба; Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.* Пушкин; *May Heaven grant it to you, too, and comfort you!* Dickens). Небо дает займы, одалживает людям некоторые качества (*The heaven such grace did lend her, That she might admired be.* Shakespeare), дарит им подарки (*Ay, with such gifts that heaven shall share with you.* Shakespeare; *Es ist das köstliche Geschenk des Himmels...* Schiller), например, в качестве подарка может быть мир и покой (*Heaven grant us its peace, but not the King of Hungary's!* Shakespeare). Небо дарует человеку красоту и грацию (*Heaven give thee moving graces!* Shakespeare), воображение, наделяет умом, волей, мыслями и чувствами (*Что от небес одарена Воображением мятежным, Умом и волею живой, И своенравной головой, И сердцем пламенным и нежным?* Пушкин).

Можно говорить об особом культе неба (*Behold The clear religion of heaven!* Keats). Небу молятся, прося о милости, спасении и иных благах (*От рук злодея погибая, Молили небо об одном: Чтоб хоть одна рука родная За них разведальась с врагом!* Лермонтов; *His actions show much like to madness: pray heaven his wisdom be not tainted!* Shakespeare). Небо помогает нуждающемуся (*Heaven help me.* Byron), оберегает от опасностей (*...Which peril heaven doth fend.* Shakespeare). Благо — помощь неба — в русском языке выражается земледельческой метафорой (*А между тем небесной благодати Тау в душе, царевич, семена.* Пушкин), в английском — метафорой церковного ритуального действия (*Heaven sain him, fair or fool!* Byron, где *sain* уст. диал. «осенять крестным знаменем»; *Heaven bless you for this!* Dickens). За помощь небо восхваляют, поют ему славу (*My will! 'od's heartlings, that's a pretty jest indeed! I ne'er made my will yet, I thank heaven; I am not such a sickly creature, I give heaven praise.* Shakespeare). Прилагательные *небесный*, *himmlisch* и *heavenly* могут употребляться в значении «божественный». Небо и земля, как и Бог в христианстве, отождествляются с любовью.

Небо кормит свои создания (ср.: *Man... bewundert vielleicht noch die kluge Wirtschaft des Himmels, der auch mit Trebern und Bodensatz noch Kreaturen speist...* Schiller), подвергает испытанию человека (*...но небу было угодно испытать меня вторично...* Лермонтов). В описаниях неба встречаются военные метафоры: небо в сравниваемых концептосферах предстает в образах непобедимого воина (*And the gain of earth*

must be **heaven's gain** too... Browning), защитника людей (**Heavens defend me from that Welsh fairy, lest he transform me to a piece of cheese!** Shakespeare), его оружием является меч (**He who the sword of heaven will bear Should be as holy as severe...** Shakespeare). Для русского и английского языков характерны социальные и правовые метафоры: небо рисуется в образах судьи (**Небесный суд да будет над тобой, Жестокий брат, завистник вероломный!** Лермонтов), свидетеля (**Heaven be my witness you do, if you suspect me in any dishonesty.** Shakespeare), гаранта (**The heavens give safety to your purposes!** Shakespeare).

Для неба в сравниваемых языках частотен образ владельца, хозяина (**Himmel und Erde hat nichts Unglückseligeres als dich.** Schiller; **Man... bewundert vielleicht noch die kluge Wirtschaft des Himmels, der auch mit Trebern und Bodensatz noch Kreaturen speist...** Schiller). Небу служат (**Shall we serve heaven With less respect than we do minister To our gross selves?** Shakespeare), ему повинуются (**...our bloods No more obey the heavens than our courtiers Still seem as does the king.** Shakespeare). Профессиональные признаки могут находиться в основе концептуальных метафор неба, например, 'художник' (**Dieses schöne Werk des himmlischen Bildners...** Schiller).

У неба отмечены признаки характера. Небо может быть равнодушным (**Даже пар по распадам не плавал, а незаметно возникал... и переходил в равнодушно-пустое морочное небо...** Астафьев), приветливым (**Исчезает приветливость ясных небес.** Астафьев), жестоким (**...the tyranny of Heaven.** Milton; **So sauer ringt die kargen Lose der Mensch dem harten Himmel ab.** Schiller). Человек может видеть в нем врага (**...greift er lieber den Himmel an.** Schiller; **So sauer ringt die kargen Lose der Mensch dem harten Himmel ab.** Schiller), быть для него самого врагом (**As for the Pope, he did refuse him and depounce him as the enemy of Heaven.** Dickens). Иногда небо совершает совместные действия с человеком (**Heaven doth with us as we with torches do, Not light them for themselves...** Shakespeare); **Der Himmel und Ferdinand reißen an meiner blutenden Seele.** Schiller), такие действия неба могут совершаться против человека (**Heaven casts thee out From all her confines.** Milton). Чаще действия неба направлены на то, чтобы помочь человеку, например, вдохновить его (**Небесный пламень упоенья, Не прилетаете вы вновь.** Пушкин; **...and that Joan of Arc was inspired from Heaven.** Dickens; **...sie hatte nur gehört, dass er ein frommes und himmlisches**

Gedicht geschrieben. Willibald), сделать его лучше (**Heaven make you better than your thoughts!** Shakespeare), послать ему удачу (**Now heaven send thee good fortune!** Shakespeare). Именно милосердие, праведность, великодушие, доброта и сострадательность — основные черты характера неба (**Встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной милостью неба.** Пушкин; **May Heaven be merciful to the King.** Dickens).

Таким образом, признаки концептов *небо*, *Heaven* и *Himmel* в сравниваемых концептосферах представляют собой развитие символов русской, немецкой и английской культур (соответственно). Наиболее важные символы помогают человеку упорядочить космос, в котором ему отводится определенное место. Человеку необходимо понять свое место в мире, осознать смысл своего существования в этой огромной вселенной. Символы культуры сохранились не только в виде мифов, преданий, былин. Символы культуры закрепились в языке в виде стертых метафор.

Символика неба представляет его как отца-создателя или мать-родительницу, дети которых живут под их чутким наблюдением. Земля в немецком представляется метафорами небесного хозяйства, а небо — метафорами рачительного хозяина или жениха небесного. Последний признак явно пришел из христианства, а признак рачительного хозяина, безусловно, является национально специфичным, присущим немецкой культуре. У неба есть воля, характер, его поступки похожи на людские поступки, чаще всего действия неба направлены на поддержку людям, чтобы защитить или спасти их. Эмоции небу мало свойственны, более частотны его ментальные признаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борискина О. О. Изучаем криптоклассную категоризацию мира в языке / О. О. Борискина, А. А. Кретов // Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. — Сер. Концептуальные исследования. — Вып. 4. — С. 106—132.
2. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — М. : Наука, 1978. — 605 с.
3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996.
4. Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М. К. Голованивская. — М. : Фил. фак-т МГУ, 1997. — 281 с.

5. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 285 с.

6. Пименова Е. Е. Религиозные признаки концепта *небо* / Е. Е. Пименова // Ethnohermeneutik und Antropologie / hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. — Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 2004. — Reihe «Ehnohermeneutik und Ethnorhetorik». — Band 10. — S. 210—213.

7. Пименова Е. Е. Сравнительный анализ мифологических признаков концептов *небо* и *heaven* в русском и английском языках / Е. Е. Пименова // Материалы XLIII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. — Новосибирск : НГУ, 2005. — С. 35—38.

8. Пименова Е. Е. Лингвокультурологический аспект исследования политической метафоры (способы объективации концепта *небо*) / Е. Е. Пименова // Известия УрГПУ. Лингвистика. — Екатеринбург : УрГПУ, 2005. — Вып. 15. — С. 114—120.

9. Шенделева Е. А. Рольевая организация образной лексики и фразеологии / Е. А. Шенделева // Фразеология в контексте культуры. — М., 1999. — С. 74—79.

10. Хроленко А. Т. Кластерный анализ в лингвокультурологических исследованиях / А. Т. Хроленко // Концептосфера «НЕБО» : опыт кластерного анализа. — Курск : КГУ, 2003. — С. 37.

11. Брагинская Н. В. Небо / Н. В. Брагинская // Мифы народов мира. — 1988. — Т. 2. — С. 206—208.

12. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999.

Кемеровский государственный университет
Пименова Е. Е., соискатель кафедры немецкой
филологии
pimenovamvE@rambler.ru
Тел.: (384-2)57-56-85

Kemerovo State University
Pimenova E. E., Post-graduate Student of Faculty
of German Philology
pimenovamvE@rambler.ru
Tel.: (384-2)57-56-85